

Р.Ю.ШЕБАЛОВ

(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)

УДК 821.161.1.3(Чехов А. П.)+81.161.1'42
ББК Ш33(2Рос=Рус)-8,44+Ш105.51

ИГРОВАЯ СЕМАНТИКА ОНИМОВ В СЮЖЕТНОЙ ПРОЕКЦИИ РАНИХ РАССКАЗОВ А.П.ЧЕХОВА

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные закономерности обыгрывания семантики собственных имен в контексте сюжетов ранних рассказов А.П. Чехова.

Ключевые слова: имя собственное, семантика, языковая игра, А.П. Чехов.

В ряде своих рассказов 1880-1885 гг. А.П. Чехов проявляет внимание к игровой семантике онимов, задействованной в развитии сюжета. В связи с этим представляется интересным проанализировать принципы и приемы, используемые автором для репрезентации сюжетных проекций собственных имен (ИС). Рассмотрим ряд частных сюжетных положений, маркированных игровой семантикой онимов, входящих в ядро ономастического поля ранних рассказов А.П. Чехова.

Ассоциативным отражением фабульной ситуации вызова врача на дом является в рассказе «Мечь женщины» коннотативная семантика фамилии *Челобитьевы*. Ср. диалог героев, в котором контекстуально разворачивается исконная семантика мотиватора онима – устойчивого выражения *бить челом* (почтительно просить о чем-либо, извиняться): «*Что вам угодно? – спросила Надежда Петровна – «Я доктор, сударыня. Меня звали сюда какие-то... э-э-э... Челобитьевы... Вы Челобитьевы?» – «Мы Челобитьевы, но... ради бога, извините, доктор. У моего мужа флюс и лихорадка. Он послал вам письмо, но вы так долго не приезжали, что он потерял всякое терпение и побежал к зубному врачу».* <...> «*Извините, доктор, что мы вас обеспокоили и заставили даром проехать... Если бы мой муж знал, что вы приедете, то, верьте, он не побежал бы к дантисту... Извините...*» [Чехов т. 2: 330]³.

Реализацией второстепенной фабульной линии супружеской измены выступает в рассказе «Петров день» коннотативная семантика фамилии *Фортунатов*. Ср.: *Егор Егорыч, приехавши домой, был встречен Музыкантом и Тщетным, для которых заяц был только предлогом, чтобы удрать домой. Посмотрев грозно на свою жену, Егор Его-*

---

³ В квадратных скобках указывается номер тома Полного собрания сочинений А.П.Чехова и страница, откуда взята цитата.

рыч принялся за поиски. Были обысканы все кладовые, шкафы, сундуки, комоды, – доктора не нашел Егор Егорыч. Он нашел другого: под женой кроватью обрел он псаломщика Фортунатова [Чехов т.1: 79]. В контексте рассказа фамилия героя, восходящая к *фортун* (от латинского *fortuna* – «судьба, удача»), приобретает специфическое ассоциативное наполнение, связанное с ситуацией супружеской измены, когда «счастливый» любовник одерживает моральную победу над обманутым мужем.

В рассказе «Сельские эскулапы» одна из сюжетных линий связана с жалобами больных, пришедших на прием в земскую лечебницу, на свои недомогания. Так, в рассказе фигурирует *Марья Заплаксина: В приемную входит маленькая, в три погибели сморщенная, как бы злым роком приплюснутая, старушонка. Она крестится и почтительно кланяется эскулапствующему* [Чехов т. 1: 198]. Фамилия с прозрачной внутренней формой (ср. *заплакать* – «начать плакать», т.е. «проливать слезы (от горя, боли и т.п.)»); ср. также: *плакаться* – «высказывать жалобы, сетования, сожаления по поводу чего-либо») иронически подчеркивает здесь стереотипные черты поведения больного (стремление разжалобить врача рассказом о своих недугах, попросить о как можно лучшем уходе и т.п.).

Лексический мотиватор игрового ИС может включаться автором в ближайший контекст, «наталкивая» читателя на установление мотивационной связи в нужном направлении и за счет этого актуализируя необходимые для понимания сюжета рассказа ассоциации [см.: гридина 2011, 2012]. В этом случае текст выступает как «экспериментальное пространство, обнаруживающее писательские эвристики (особое чутье слова) и преднамеренное «обновление» формы и содержания вербальных знаков, создающее эстетически значимый эффект их интерпретации (собственно авторское миромоделирование)» [Гридина 2012: 272]. Пример такой контекстуальной мотивации мы находим в рассказе «Последняя могиканша»: *Я и помещик отставной штаб-ротмистр Докукин, у которого я гостил весною, сидели в одно прекрасное весеннее утро в бабушкиных креслах и лениво глядели в окно. Скука была ужасная* [Чехов т. 3: 417]. Внутренняя форма фамилии, мотивированной апеллятивом *докука* в значении «надоедливая просьба, а также надоедливое, скучное дело», контекстуально соотнесена с лексическим значением слова *скука* («отсутствие веселья, занимательности»), что в совокупности направляет читательское внимание на характеристику ситуации безделья, описанную в экспозиции рассказа. Дальнейшее развитие сюжета контрастирует с его началом: проезд властной и са-

молюбивой сестры Докукина и ее безвольного мужа на время вносит беспорядок в неторопливую жизнь героев.

Сходный прием актуализации игровых коннотаций ИС с использованием контекстуально представленного мотиватора мы находим в рассказе «Смерть чиновника», где фамилия генерала *Брызжалова*, образованная на основе контаминации глаголов *брызгать* и *брюзжать* (ср.: *брызгать* – «разбрасывать, с силой извергать капли жидкости»; *брюзжать* – «надоедливо ворчать, выражать недовольство чем-либо») коррелирует с одним из них в контексте. Ср.: *В старичке Червяков узнал статского генерала Брызжалова, служащего по ведомству путей сообщения. «Я его обрызгал! – подумал Червяков. – Не мой начальник, чужой, но все-таки неловко. Извиниться надо»* [Чехов т. 2: 164].

В рассказе «Из огня да в полымя» ситуация разговора ответчика с адвокатом ономастически маркирована коннотациями, которые провоцируются прозрачной внутренней формой фамилии последнего. Ср.: *У регента соборной церкви Градусова сидел адвокат Калякин и, вертя в руках повестку от мирового на имя Градусова говорил...* [Чехов т. 3: 56]. Здесь просторечное *калякать* в значении «разговаривать, болтать» становится комической характеристикой основного вида адвокатской деятельности, а именно беседы с участниками судебного процесса, которая ведется по всем правилам риторики (с использованием системы аргументации, этикетных формул речи, воздействием на эмоции оппонента и т.п.), а в ряде случаев может приобретать характер демагогии. Ср.: *Что ни говорите, Досифей Петрович, а вы виноваты-с. Я уважаю вас, ценю ваше расположение, но при всем том с прискорбием должен вам заметить, что вы были неправы. Да-с, неправы* [Чехов т. 3: 56].

В целом ряде рассказов А.П. Чехова характеристика частной сюжетной линии может задаваться игровыми онимами прецедентного характера. Так, в рассказе «Канитель» фабульная ситуация путаницы во время заполнения заздравного и поминального списков в церкви комически опосредована прецедентной семантикой фамилии *Отлукавин*, восходящей к фразеологизму *от лукавого*, употребляемого в значении «лишнее, ненужное, могущее принести вред» [Молотков 1987: 233] и имеющего библейское происхождение – запрет Иисуса клясться небом, землею и т. д. («Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх того, то от лукавого», т.е. от дьявола [Ашукин, Ашукина 1960: 445]). Ср.: *На клиросе стоит дьячок Отлукавин и держит между вытянутыми жирными пальцами огрызенное гусиное перо. <...> Перед ним на рыжем переплете Цветной триоди лежат две бумажки. На*

одной из них написано «о здравии», на другой – «за упокой», и под обоими заглавиями по ряду имен... [Чехов т. 3: 232]).

Прецедентная семантика ИС провоцирует трактовку неразберихи вокруг имен героев, которые оказались ошибочно записанными не в тот список, влиянием «лукавого» (ср. традиционное *бес попутал* – о том, кто «поддался соблазну сделать что-либо, обычно предосудительное» [Молотков 1987: 521]). Ср. следующий диалог героев: *«Таперя за упокой Марка, Левонтия, Арину... ну, и Кузьму с Анной... болящую Федосью...»* – *«Болящую-то Федосью за упокой? Тю!»* – *«Это меня-то за упокой? Ошалел, что ли?»* – *«Тьфу! Ты, кочерыжка, меня запутала! Не померла еще, так и говори, что не померла, а нечего в за упокой лезть! Путаешь тут!»* [Чехов т. 3: 233].

Таким образом, комическое начало данной фабульной ситуации определяется парадоксальным «проявлением» дьявольского начала в повседневной деятельности служителя православной церкви.

Прецедентная семантика игрового ИС *Авелев* определяет направление интерпретации одной из фабульных ситуаций рассказа «Затмение луны». Ср.: *Сборищ не было, так как все обыватели спали за исключением одного только писца земской управы Ивана Авелева, который сидел на заборе и, глядя в кулак на потемнение, двухсмысленно улыбался и говорил: «По мне хоть бы и вовсе луны не было. Наплевать!»* [Чехов т. 3: 74]. В данном случае, мотивация фамилии персонажа именем *Авеля*, сына Адама и Евы, комически соотносит факт «неблагонадежного» поведения жителя провинциального города с библейским мифом о первом убийстве в истории человечества, трактуемом как преступление божественного закона. Комизм усилен здесь образованием игровой фамилии героя, привлечшего к себе подозрения начальства, от имени мифологического персонажа, который в Священном Писании оценивается положительно: Авель, согласно легенде, был убит своим братом Каином, предавшим его. Так А.П. Чехов переворачивает традиционную логику библейского сюжета, демонстрируя читателю ограниченность любых оценок и стереотипов, связанных с человеческими отношениями.

В ряде случаев для А.П. Чехова важно представить ту или иную характеристику целой сюжетной ситуации с помощью актуализации ассоциативного фона игрового онима. Это, в частности, выражается в том, что прозрачная внутренняя форма ИС ассоциативно «отсылает» читателя к конкретному текстовому событию, имеющему самостоятельное значение в сюжете рассказа или являющееся реализацией одной из фабульных линий.

Так, в рассказе «Цветы запоздалые» описана судьба разоряющегося дворянского рода князей *Приклонских*. Семантика производящей основы фамилии (ср.: *клониться* – «пригибаться книзу, опускаться») наполняется текстовыми коннотациями, вызывает ассоциации, связанные с угасанием домашнего очага, потерей Приклонскими былого уважения, их финансовым неблагополучием, доходившим до нищеты. Ср. характеристику одного из представителей династии, князя Егора Приклонского: *Он был глуп, но не настолько, чтобы не сознавать, что дом Приклонских действительно погибает и отчасти по его милости...* [Чехов т. 1: 394].

Развернутая метафора угасания представлена в тексте и в другом своем воплощении – как смерть княгини Приклонской после продажи родового дома, а также болезнь и медленное умирание ее дочери Марии. Таким образом, прозрачная семантика ИС прямо коррелирует с развитием сюжетного действия рассказа, подчеркивая те символические смыслы, которые были заложены А.П. Чеховым в потенциальный контекст восприятия онима.

В рассказе «Свадьба с генералом» сюжетная ситуация женитьбы находит свое косвенное обоснование через ассоциации, порождаемые прозрачной внутренней формой фамилии жениха и его матери. Ср.: *Свадебный ужин уже начался, когда взятый из трактира напрокат лакей снимал с адмирала пальто с капюшоном, и мать жениха, 2-жа Любимская, встречая его в передней, щурила на него глаза* [Чехов т. 3: 108]; *За столом, на самом видном месте, сидел жених Любимский во фраке и белых перчатках. По его вспотевшему лицу плавала улыбка. Очевидно, его услаждали не столько предлежащие яства, сколько предвкушение предстоящих брачных наслаждений* [Чехов т. 3: 109]. В составе онама лексическое значение мотиватора *любимый* («дорогой для сердца, такой, к которому обращена любовь») комически буквальзирует социокультурно маркированный свадебный ритуал. Игровые коннотации онима определяются также структурной оформленностью фамилии. Входящий в ее состав суффикс *-ский* придает фамилии аристократический «статус», что воспринимается иронически в общем контексте изображения мещанского мировоззрения и образа жизни, характерных для персонажей данного рассказа. Таким образом, спровоцированная внутренней формой ИС, ассоциативно-коннотативная семантика онима «охватывает» сюжетную ситуацию рассказа.

В рассказе «Смерть чиновника» сюжетно значимыми становятся коннотации унижения и ничтожности, содержащиеся в ассоциативном фоне фамилии *Червяков* (ср.: *червяк* – «(презр.) о жалком, ничтожном человеке»). Незначительное происшествие, случившееся с героем в

публичном месте (чихание в театре), провоцирует цепь совершенно излишних извинений с его стороны перед генералом Бризжаловым, что доводит ситуацию до абсурдного гротеска, демонстрирующего духовное «рабство» Червякова. Последовательное саморазрушение личности персонажа ассоциативно осмысливается в рассказе как добровольное унижение, заканчивающееся физической смертью героя.

ИС ранних рассказов А.П. Чехова зачастую наделены не только сюжетной «детерминацией», но и сами способны участвовать в процессах текстопорождения.

ЛИТЕРАТУРА

Аишукин Н.С. Аишукина М.Г. Крылатые слова. – М., 1960.

Гридина Т.А. «Делать из мухи слона»: ассоциативная проекция игрового слова в художественном тексте // Лингвистика креатива-2 : Коллективная моногр. / Под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. 2-е изд. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2012.

Гридина Т.А. Оценочный потенциал языковой игры в художественном тексте (на материале ранних рассказов Т. Толстой) // Филологический класс. 2011. № 25. – С. 37-40.

Гридина Т.А. Художественный текст как поле языковой игры // Уральский филологический вестник. Серия: Психолингвистика в образовании. 2012. № 5. – С. 101-110.

Молотков А.И. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4 000 словарных статей / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров / Под ред. А.И. Молоткова. – 4-е изд., стереотип. – М., 1987.

Чехов А.П. Полное собрание сочинений: В 18 т. – М., 1983.

© Шебалов Р.Ю., 2014